

Interactive Methodologies through Human Rights Education Activities: Teacher Training Guidelines

Name of organisation:
“Humanist” Centre for Methodological Studies

В. Луховицкий, А. Эйсман

Глава 1.

Что такое права человека? (Основные идеи философии прав человека)

1. Два значения слова «право» в русском языке:

В английском языке существуют два разных слова: «The Law», то есть «законы», «правила», и «Right», то есть «право как возможность, право на что-то».

В русском языке «**право**» - слово многозначное. В первом значении – это «система принципов (норм), регулирующих отношения в обществе и выраженных в официальных юридических документах». В этом значении оно является синонимом слова «закон». Именно в таком значении оно употребляется в словосочетаниях «уголовное право», «семейное право» и т. п. В подавляющем большинстве школьных учебников «право» употребляется в одном ряду с «законом», как полные синонимы.

Во втором значении «**право**» – это принадлежащая кому-либо личная возможность, свобода что-то делать или не делать, обоснованное притязание на то или иное благо. Когда человек говорит: «Я имею право», - то это означает, что он может (считает себя вправе) действовать известным образом.

Поскольку наш курс называется «Права человека», в дальнейшем изложении материала мы будем употреблять слово «право» во втором значении, специально оговаривая те случаи, когда тот или иной автор имеет в виду под правом «систему норм».

2. Моральные и позитивные права. Естественные права как особая группа моральных прав.

О правах человека у большинства людей есть некое общее смутное представление, но нет точных знаний. Любую несправедливость мы готовы назвать нарушением прав человека и, не сумев добиться своего, обвиняем во всех своих бедах «продажных политиканов, морочащих простой народ сказками о правах человека».

Нам придется начать с определения важнейших понятий. Для этого обратимся к книге американского политолога М. Крэнстона «Права человека», написанной в начале семидесятых годов прошлого века и изданной по-русски в Париже в 1975 году.

«Что означает фраза «все люди имеют право»? Термин «право» имеет двоякий смысл. Во-первых, он выражает мысль, что иметь право значит иметь нечто, данное и осуществляемое по закону страны. Сказать «я имею право покинуть страну, право голосовать на выборах в парламент, право оставить наследство, кому пожелаю», равносильно заявлению «я живу в стране, правительство которой позволяет мне все это делать, и оно придет мне на помощь, если кто-нибудь попытается мне помешать».

... Условимся называть такие права *позитивными* (юридическими). Их сущность в том, что они признаются *позитивным законом*, реальным законом реального государства».

«Но слово «**право**» имеет и второй смысл, ... сближающийся с понятием о заслуженности и справедливости. Положим, отец семейства заявляет: «Я имею право знать, что происходит в моем собственном доме». Он не говорит об отношении позитивного закона к его праву, он не говорит также о том, что суд должен подтвердить его право знать о происходящем в его доме. Он не столько констатирует факт, сколько предъявляет особого рода претензии. Он апеллирует к тому принципу, что глава семьи по своему положению имеет право знать, что происходит в семье. Здесь речь идет о *моральном* праве.

Между *позитивным* и *моральным* правом существует большая разница. Позитивные права осуществляются в соответствии с законами, иначе они перестают быть позитивными. Моральные же права необязательно осуществляются посредством законов. Одни из них проводятся в жизнь по закону, а другие нет. Сказать, например, «я имею моральное право получать приличную зарплату» не равносильно заявлению «я *получаю* приличную зарплату». Наоборот, гораздо более вероятно, что человек, заявляющий «я имею право получать приличную зарплату», считает, что его зарплата недостаточно высока. ... Мы наиболее остро ощущаем наше моральное право, когда оно *ущемляется*.

Есть еще одна черта, отличающая *моральные* права от *позитивных*. Мы можем выяснить наши позитивные права путем изучения действующих законов, книг по юриспруденции или просто пойдя в суд и

поговорив с судьей. Что касается моральных прав, то их нельзя изучить подобным образом. Единственное, что вам остается, это попытаться *оправдать* вашу претензию».

«Моральное право, которое легче всего обосновать, это *право отдельного лица*. Например, автор этих строк претендует на целый ряд моральных прав, и если бы его попросили оправдать свои претензии, то он бы выдвинул один из следующих аргументов:

1) Я могу сказать, что *заработал* это право. Если я сочинил песню, я претендую на моральное право ставить условия публикации данной песни. Я заслужил это право творческим трудом сочинителя.

2) Я могу сказать, что я *купил* это право. Если я издатель и приобрел путем законной покупки разрешение опубликовать вашу песню, я имею моральное право публиковать ее на условиях, оговоренных в контракте.

3) Я могу сказать, что мне *дали* право. ... Если моя жена дарит мне часы, я по справедливости становлюсь владельцем этих часов.

4) Я могу сказать, что я *унаследовал* право. Эта форма права зависит от существования такого общества, где признается принцип наследования.

Короче говоря, мы оправдываем моральные права личности путем утверждения, что эти права заработаны, подарены, унаследованы, куплены или приобретены посредством какого-либо другого обязательства договорного характера.

Кроме моральных прав одного какого-либо лица, имеются моральные права, принадлежащие целым *группам лиц*, как, например, родителям, врачам или священникам. Многие особые права этих групп людей оговорены в позитивном законодательстве и потому являются позитивными. Если человек играет определенную социальную роль, он приобретает определенные права. ... Права, связанные с определенной ролью, являются, по большей части, заработанными правами или аналогичны заработанным правам; они также должны быть признаны правами такими, которые есть не у каждого».

Какими моральными правами Вы обладаете как студент педагогического вуза? Есть ли среди них такие, которые закреплены в законе «Об образовании» (позитивные права)?

Читая приведенные ниже отрывки из книги М. Крэнстона, имейте в виду, что он употреблял как полные синонимы два термина: «естественные права» и «права человека». В дальнейшем мы уточним разницу между этими понятиями.

«В связи с этим возникает следующий вопрос относительно *прав человека*: принадлежат ли они к категории позитивного или морального права? Иными словами, являются ли права человека тем, чем люди обладают, или тем, чем им следует обладать? Приведем конкретный пример. Согласно статье 13 Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Организацией Объединенных Наций в 1948 году, каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну. Если рассматривать это положение как констатацию факта, то оно просто не соответствует действительности. Англичанин, к примеру, волен в любое время покинуть свою страну и возвратиться в нее, если он не находится под следствием. Сказанное выше относится также ко многим другим странам, но отнюдь не ко всем. Даже в Соединенных Штатах некоторым американским гражданам отказывают в выдаче паспортов для выезда из страны. Отсюда ясно, что право покинуть свою страну, которое, в соответствии с Декларацией Объединенных Наций, имеет «каждый человек», не является позитивным. Авторы Декларации просто зафиксировали то, что каждому *следует* иметь. Другими словами, права, зафиксированные в Декларации, являются моральными.

Говоря, что *права человека* – это права *моральные*, мы не отрицаем, что для многих людей они являются в то же время и *позитивными*. Там, где права человека осуществляются в соответствии с позитивным законодательством, там, где люди имеют то, что им следует иметь, права человека являются и моральными, и позитивными. Но при этом нельзя забывать различия между тем, что *есть*, и тем, что *должно быть*...

Относя *права человека* к категории *морального* права, важно отметить их отличие от других разновидностей этой категории. Они *универсальны*. Многие моральные права принадлежат конкретным людям ввиду пребывания их в конкретной ситуации: права земледельца, например, или права редактора, или проповедника, или судьи, или стационарного зрителя. Их особые права вытекают из их особого положения и тесно связаны с их обязанностями. А *права человека* не вытекают ни из какой конкретной ситуации, они принадлежат человеку потому только, что он человек. Как указывает Жак Маритэн, «человеческая личность обладает правами благодаря уже тому факту, что является личностью, чем-то цельным, распоряжается сама собой и отвечает за свои поступки, а потому является не средством к осуществлению цели, но самой целью, которую и следует рассматривать как таковую»¹.

(М. Крэнстон «Права человека»)

Читая этот текст, необходимо помнить о том, что Крэнстон упоминает только один документ - Всеобщую декларацию прав человека. Это документ декларативного характера, ни к чему, по сути дела, не обязывающий правительства стран, его подписавшие. Действительно, для граждан многих стран мира, и не

¹ Jacques Maritain, The Rights of Man, New York, 1943, p. 37.

только социалистических, права человека оставались исключительно *моральными*. С тех пор, после принятия и ратификации большинством государств международных и региональных Пактов и Конвенций о правах человека, ситуация изменилась (см. ниже пункт 5).

Тем не менее, самый важный вопрос – о соотношении *позитивных* прав и *прав человека (универсальных моральных прав)* – продолжает оставаться актуальным. Понятно, что абсолютного совпадения нет ни в одном государстве мира. В нашей стране многие юристы решают этот конфликт, основываясь на латинской пословице «Закон плох, но это закон». Правозащитники же исходят из того, что внутреннее законодательство должно, как минимум, не противоречить правам человека, зафиксированным в международных Пактах и Конвенциях (об этих документах подробно рассказывается в главе 2).

Познакомьтесь с мнением известного правозащитника, доктора юридических наук И. Михайловской.

«Закон может отражать, но может и не отражать фактические отношения людей в обществе и фактические потребности самого общества. Закон может быть полезен, но может быть и вреден. Закон – это не право. Право – это воплощение справедливости, а закон – творение рук человеческих. Закон подвержен влиянию различных факторов и может быть социально вредным и даже социально опасным. Любое беззаконие может быть облечено в форму закона».

(И. Михайловская «Закон и обычай»)

- Как Вы думаете, в каком значении употреблено здесь слово «право»?
- Как же вести себя гражданам в ситуации, когда «беззаконие облечено в форму закона»?

3. Различные обоснования происхождения естественных прав.

«... *Универсальность прав человека* имеет большое значение для решения стоящей перед нами проблемы их обоснования.

Права человека принадлежат всем людям во все времена».

(М. Крэнстон «Права человека»)

Познакомимся с несколькими наиболее важными теориями, обосновывающими универсальный характер права человека.

А) Религиозное обоснование.

«Еще в древности считали, что есть закон, отличающийся от законов земных правителей, закон высший и более могучий, нежели указы судей или царей. Одно из самых ранних и ярких воплощений этой идеи мы находим в трагедии Софокла «Антигона». Креон – царь Фив – приказывает, чтобы Полиника – изменника, убитого на поле брани, не хоронили, а оставили тело его на растерзание воронью и псам. Сестра Полиника, Антигона, восстает против этого приказа на том основании, что каждый человек, по ее мнению, имеет право быть похороненным. «И какое право имеет царь, – вопрошает она, – оторвать от меня брата моего?» Антигона хоронит брата, но ее за это арестовывают и приводят к Креону.

«Ты знаешь закон?» – спрашивает ее царь.

«Да», – отвечает она.

«Тогда зачем ты его нарушаешь?»

Антигона отвечает, что закон, который она нарушила, противоречит совести; он может быть законом государства, но он идет вразрез с законом справедливости. Антигона говорит, что царь, будучи простым смертным, не может отменить или преступить неотвратимые и неписанные законы Неба, ибо эти законы возникли не сегодня и не вчера, они бессмертны, и никому не дано знать источника их.

Креон отвечает, что Полиник – изменник, и никакой правитель не может прощать изменников. Государство должно иметь законы и соблюдать их. Правителю следует подчиняться во всем, справедливо это или нет, иначе будет анархия. «А что, – вопрошает Креон, – может быть хуже анархии?»

Пьеса Софокла была бы значительно слабее, если бы аргументация Креона не была столь же логичной и сильной, как и доводы Антигоны. В драматургии, да и в истории, есть много примеров, когда подданные, обладавшие более сильными доводами, чем Антигона, вступали в конфликт с правителями, обладавшими гораздо более слабыми аргументами, чем Креон. В том и заслуга Софокла, что он ничего не упрощает. Древнегреческий драматург вскрывает глубокую и страшную трагедию, когда человек бросает вызов позитивному праву, обеспечивающему безопасность общества, когда он восстает против установившегося авторитета во имя совести или «неотвратимых неписанных законов Неба».

Креон заявляет, что надо подчиняться государству во всем – как *справедливым*, так и *несправедливым*. Антигона возражает ему, что необязательно подчиняться государству, если то, чего требует государство, неверно. Софокл – за Антигону. Он верит вместе со своей героиней, что неписанный закон Неба превышает закон государственного. Права, на которых настаивает Антигона, установлены высшим законом и потому не могут быть отняты у нее законом позитивным.

Эмоционально реагировать на пьесу Софокла легко, но принятие или непринятие его доводов зависит от согласия с автором в том, что существует закон, превосходящий закон позитивный. Для Софокла и многочисленных поколений христиан, тоже веривших в существование закона, превосходящего закон человеческий, было нетрудно указать источник этого высшего закона – высшее существо, пребывающее на небесах.»

(М. Крэнстон «Права человека»)

Оказывается, помимо закона позитивного (то есть установленного и защищаемого государством), есть закон высший, установленный богами (богом). Этот закон называют «естественным правом». Именно в естественном праве видят верующие обоснование прав человека.

«Право естественное есть предписание здравого смысла, коим то или иное действие, в зависимости его соответствия или противоречия самой природе, признается либо морально позорным или морально необходимым; а следовательно, такое действие или воспрещено или предписано самим Богом, создателем природы,»- писал в 17 веке знаменитый юрист *Г. Гроций*, в другом месте добавил: «...сказанное нами в известной мере сохраняет силу даже в том случае, если допустить – чего, однако же, нельзя сделать, не совершая тяжчайшего преступления, – что Бога нет или же что Он не печется о делах человеческих».

Б) «Естественный закон» Аристотеля, Цицерона, Локка.

«Существует закон частный и закон общий. Частный закон устанавливается каждым сообществом для себя и распространяется на его членов... Общим законом я называю закон естественный. Ведь действительно существует нечто, осознаваемое до некоторой степени каждым, какая-то справедливость и несправедливость по природе, общая даже для тех, кто не связан между собой сообществом или договором. ...Речь идет о Законе для всех, имеющем силу на пространстве всего широкопротянутого эфира и бесконечного света». (*Аристотель* “Риторика”).

А вот слова римского юриста *Цицерона* (“О государстве”): «Истинный закон представляет собой то, что говорит правильно употребленный разум. Закон находится в согласии с природой, присутствует повсюду и является вечным. Он неизменен и не может утратить своей силы. Все народы во все времена будут подчиняться этому закону».

Известный российский правозащитник *С. Сироткин* так описывает процесс развития идеи естественного права:

«Была предпринята также попытка как-то определить источник и сущность собственно естественного права. Так, крупнейший теолог средневековья *Фома Аквинский* утверждал, что сущность естественного права (*jus naturale*) может быть понята, опираясь на человеческий здравый смысл: естественное право является той основой, на которой покоятся все создаваемые людьми законы (*Lex humana*). Соответственно, любой закон, который отклоняется от здравого смысла, перестает быть законом и становится проявлением насилия и произвола. Фома утверждал, что нарушение такого закона, утратившего поддержку естественного права и фактически ставшего проявлением насилия, не может быть наказуемо.

Все воспринимается чуть упрощенно: как вода – мокрая, небо – голубое, жизнь – скверная, так право – естественное и основано на разуме и нравственном чувстве; яблоки падают на землю независимо от воли правителя, точно также существует естественное право, независимо от того, нравится это правителям или не нравится. Все просто, но для своего времени это была совершенно революционная идея».

(*С. Сироткин* «Старшеклассникам о праве»)

Дж. Локк в «Эссе о законе природы» утверждает, что, как показывает изучение Вселенной, в природе все подчиняется законам, и потому должны существовать законы, управляющие поведением людей. Локк имеет в виду именно моральные законы, воплощенные в естественном праве. Наука, заявляет Локк, показывает, что действие законов универсально. Поэтому, заключает он, наука подтверждает существование естественного права.

Насколько обоснованными кажутся Вам эти аргументы основоположников теории естественного права?

«Представление о естественном праве как всеобщем моральном законе, стоящем выше законов государственных, лежало в основе европейской политической мысли на протяжении более двух тысяч лет. И хотя в девятнадцатом веке оно вышло из моды, после Второй мировой войны к нему пришлось вернуться опять. В 1945 году, на Нюрнбергском процессе, естественное право послужило законным основанием некоторых пунктов обвинительного заключения против нацистских вождей».

(М. Крэнстон «Права человека»)

Как Вы полагаете, почему именно в 19 веке теория естественного права «вышла из моды»?

В) Исторический (классовый) подход.

Разумеется, «божественность» естественного права, как и отождествление законов природы и общественных законов, вызвала все большую критику ученых и политиков. Прежде всего, многие обратили внимание на связь прав человека с определенным этапом в истории человечества – капитализмом.

«Признание прав человека современным государством имеет такой же смысл, как признание рабства античным государством. А именно, подобно тому как античное государство имело своей естественной основой рабство, точно так же современное государство имеет своей естественной основой гражданское общество, равно как и человека гражданского общества, т.е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и бессознательной естественной необходимости, раба своего промысла и своей собственной, а равно и чужой своекорыстной потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу как таковую во всеобщих правах человека. Оно не

создало ее. Будучи продуктом гражданского общества, в силу собственного своего развития вынужденного вырваться из старых политических оков, современное государство, со своей стороны, признало путем провозглашения прав человека свое собственное материнское лоно и свою собственную основу».

(К. Маркс, Ф. Энгельс. Святое семейство, или критика критической критики)

По словам М. Крэнстона, «Маркс рассматривал принцип прав человека как буржуазный предрассудок; он – противник индивидуализма, лежащего в основе классического представления о правах. В человечество Маркс верит, верит он и в то, что человек – существо особое, но при этом считает, что люди смогут чего-то добиться, лишь перестав думать о себе по-буржуазному, то есть, перестав считать себя личностями, обладающими какими-то неотъемлемыми нравами».

Обратите внимание на то, что Маркс и его последователи не отрицали пользы, которую может принести фиксация личных и политических прав пролетариату, но он не считает их естественными, универсальными. Он связывает появление теории естественного права с определенным этапом развития общества – капитализмом. Личные и политические права и свободы (за исключением «священного права частной собственности») в буржуазном государстве – вещь, безусловно, очень важная для трудящихся, и коммунисты должны добиваться их наиболее полной реализации. И Маркс, и Ленин стремились убедить читателей в том, что нельзя абсолютизировать «буржуазные» права, но пролетариат должен использовать их в борьбе за социальное переустройство общества.

«Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии... Но выводиться из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». ...Пролетариат схватывал чутьем, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и организует буржуазию».

(В. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции)

«Вся «демократия» состоит в провозглашении и осуществлении «прав», осуществимых весьма мало и весьма условно при капитализме, а без такого провозглашения, без борьбы за права немедленно и тотчас, без воспитания масс в духе такой борьбы социализм невозможен».

(В. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»)

Г) Универсальные потребности человека как источник прав человека

В XX веке философы и политики, видя «слабые места» теории естественного права в ее классическом варианте, ищут иные обоснования прав человека. Знаменитый итальянский писатель У. Эко – сторонник теории, объясняющей права человека через его **потребности**.

«Меня интересовал вопрос, существуют ли «семантические универсалии», то есть простейшие понятия, которые являются общими для всего рода человеческого и могут быть выражены на всех языках. Вопрос совсем непростой, если учесть, что в культурах многих народов отсутствуют понятия, кажущиеся нам очевидными, например, понятие определенных свойств вещества (яблоко – красное), или понятие тождества ($a = a$). И все же я пришел к выводу, что понятия, общие для всех культур, несомненно, существуют, и все они связаны с положением нашего тела во времени и в пространстве.

Мы прямостоящие животные, которым трудно долго находиться вниз головой и, соответственно, у всех нас есть понятие верха и низа, причем первому придается большая ценность. Так же точно у всех нас имеются понятия «правое - левое», «стоять - идти», «прыгать - ползать», «спать - бодрствовать». У всех народов существуют искусства и ремесла, поэтому все мы знаем, что значит раскалывать твердое, набирать сыпучее или жидкое, трепать, выбивать, вымешивать, топтать, и даже танцевать. Этот перечень можно продолжить, в него входят также зрение и слух, еда и питье, поглощение и отторжение. И, конечно же, все люди понимают, что значит узнавать, запоминать, чувствовать желание, страх, грусть или облегчение, радость или горе, и умеют издавать звуки, выражающие эти чувства.

Кроме того (и здесь мы уже входим в сферу права), у нас есть универсальные понятия об ограничении: все мы не хотим, чтобы нам запрещали говорить, смотреть, слушать, спать, поглощать или отторгать, идти куда нам нужно; мы страдаем, когда нас связывают или изолируют, бьют, ранят, убивают, подвергают физическим или моральным пыткам, когда ограничивают или подавляют нашу способность мыслить» .

(У.Эко «Во что верят неверующие»)

Какие еще потребности, кроме перечисленных У. Эко, Вы считаете универсальными, присущими всем людям?

Как видите, сейчас в мире существует несколько концепций, по-разному обосновывающих существование естественных, универсальных прав. У каждой концепции есть свои плюсы и минусы, но все авторы сходятся в одном: **в современном мире эти права – не только красивая мечта, недостижимый идеал, а реальность.**

4. «Базисные» принципы теории естественного права: уважение человеческого достоинства, толерантность, равноправие.

А) Человеческое достоинство как основное понятие теории прав человека.

В лекции «Власть и личность» польский правозащитник М. Новицкий, директор Варшавского Хельсинкского фонда, объясняет, почему, с его точки зрения, невозможно обосновать права человека без понятия «человеческое достоинство».

«Если строить теорию прав человека, то нужно взять за основу какие-то понятия. Никакой науки нельзя построить, пока не приняты основные понятия. Нельзя построить физики, если не принять того, что все понимают, что есть время, длина, масса. А потом уже определить, что такое скорость, ускорение и прочее. Нельзя построить математики, пока не дано точное определение, что такое множество. А потом на основе этого можно строить математику.

Так, основным понятием теории прав человека является человеческое достоинство. Я не в состоянии дать этому понятию четкое определение. Это – достоинство, которое есть у всех. И у ребенка, который только что родился, и у того, кто сидит в тюрьме. Потому что они – люди».

А как бы Вы объяснили понятие «человеческое достоинство»?

«Я не до конца понимаю, как это получается, что права человека одинаковы и что они слабо зависят от философии и религии, но такое явление можно зафиксировать. Еще имеется другое понятие – личное достоинство. Это достоинство появляется и растет у человека, когда он хорошо ведет себя. Если он поступит плохо, он может его потерять. Но не об этом речь. Речь идет о человеческом достоинстве, которое есть у всех нас».

Есть ли разница между личным достоинством и человеческим достоинством? В чем она состоит?

«Несколько лет назад на семинаре, когда мы определяли стратегию на ближайшие годы, один из коллег вдруг сказал, что если вы считаете, что права человека возникают из человеческого достоинства, так возьмите кусок бумаги и напишите, когда вы чувствуете, что ваше достоинство нарушается. Ну вот, мы написали, собрали бумаги, и вдруг получилось, что большинство из этих случаев – одни и те же. Когда мне надо идти к чиновнику и что-то с ним оформлять, когда надо встречаться с дурным чиновником, который не знает своих обязанностей и закона, который не хочет исполнять закон, – это нарушает мое достоинство и право».

(М. Новицкий «Власть и личность»)

«Что же касается достоинства человеческой личности, то это выражение остается пустым звуком, если не имеется в виду, что, согласно естественному праву, человеческая личность имеет право на уважение к ней, она – правовой субъект, обладатель прав. Все эти привилегии должны быть признаны за человеком только потому, что он человек».

(Ж. Маритен. «Права человека»)

«Достоинство как фиксация исключительных качеств человека перед другими известными живыми существами определяется наличием только у него разума, нравственности, совести и духовности. Естественным выражением достоинства человека является его свобода».

(Л. Глухарева. «Права человека. Гуманитарный курс»)

Б) Толерантность

В мире все же случаются удивительные вещи. В мрачном 1941 г., когда Вторая мировая война была в самом разгаре, а союзники несли тяжелые потери, замечательный английский писатель-гуманист Э.М. Форстер пишет статью «Похвальное слово терпимости». В несколько заземленном, лишенном патетики, но не юмора, форстеровском стиле она «укрепляет дух на путях цивилизованности» (по выражению самого писателя) и предупреждает об опасностях, подстерегающих всех нас в процессе строительства нового мира – нового «Дома». И сегодня статья Форстера не потеряла своей актуальности.

«Все говорят о переустройстве мира. У наших врагов тоже есть планы относительно нового порядка в Европе, который они собираются поддерживать с помощью секретных служб. Мы также рассуждаем о том, как реконструировать Лондон, Англию и вообще западную цивилизацию, вследствие чего разрабатываем свои планы. И это, конечно, очень хорошо, но когда я слышу, как об этом говорят, и вижу архитекторов, вострящих карандаши, подрядчиков, подсчитывающих затраты, государственных мужей, определяющих сферы своих интересов, и всех остальных граждан, готовых приняться за дело, я вспоминаю один очень известный текст: «Если Господь не строит сей Дом, напрасны труды его возводящих». Под поэтической образностью этих слов скрывается жесткая научная истина: пока человек не обладает трезвым сличием и психической устойчивостью, он будет не в состоянии построить что бы то ни было долговечное.

Вышеприведенный текст справедлив не только для людей религиозных, но для всех, кто созидает, каковы бы ни были их убеждения. ...Да, разумеется, единственным прочным основанием для развития цивилизации может быть только здоровое мышление. Архитекторы, подрядчики, международные деятели, рыночные корпорации, радиовещательные компании сами по себе никогда не построят новый мир. Их должно вдохновлять соответствующее умонастроение народа, для которого они работают.

Что же такое здоровое умонастроение народа? Большинство людей на вопрос, какое духовное качество необходимо, чтобы перестроить нашу цивилизацию, отвечают: «Любовь». «Люди должны любить друг друга», – скажут нам. Народы тоже должны поступать соответственно, и тогда человечество сможет предотвратить грядущие катастрофы.

Почтительно, однако твердо я заявляю несогласие. Любовь – великая сила в нашей личной жизни. Она действительно величайшее сокровище мира, но любовь в общественных отношениях неэффективна. Было много попыток объявить ее самой могущественной силой: например, средневековыми христианскими общинами или во времена Французской революции: я имею в виду движение, которое на своих, антирелигиозных, основаниях пыталось утвердить всемирное людское братство. Однако каждый раз такие попытки кончались крахом. Идея, что народы должны любить друг друга, или, к примеру, индустриальные концерны – проникнуться взаимной нежностью, или португалец – возлюбить перуанца, которого никогда в жизни не видел, – эта идея абсурдна, нереальна, опасна. Она ведет к невнятной, туманной, губительной сентиментальности. Мы распеваем на все лады: «Любовь – вот, что нам необходимо», но потом успокаиваемся, возвращаемся к привычному бытию, а в мире все идет как прежде. Дело в том, что мы можем любить только то, что знаем лично, а круг нашего знания ограничен. В общественных делах, для переустройства нашей цивилизации требуется нечто гораздо менее драматическое и эмоциональное, а именно – терпимое отношение к людям.

Да, терпимость – добродетель скучная. Невзрачная. Она может быть тяжким бременем. Она часто сопряжена с категорией отрицания. Казалось бы, требуется всего лишь умение ладить с другими людьми, способность терпеть. Однако никто из поэтов не слагал оды в похвалу терпимости. Никогда в ее честь не воздвигались статуи, хотя именно это качество нам потребуется прежде всего после войны. Именно терпимость определяет то здоровое умонастроение, которого мы взыскуем. Это та единственная сила, которая в состоянии объединить разные расы, классы, интересы и позволить людям заняться трудами по переустройству мира.

В нашем мире ужасающе много людей. Такого еще никогда не бывало в истории человечества. Люди постоянно сталкиваются между собой и, как правило, с незнакомыми и чуждыми им, и многие из этих незнакомцев нам не нравятся. Некоторые цветом кожи, или формой носа, или способом сморкаться, или манерой разговаривать, или тем, как они пахнут, или покроем одежды, или своей любовью к джазу и, наоборот, нелюбовью к джазу и так далее. Что же делать в подобной ситуации? Есть два решения проблемы. Одно – нацистское: если вам не нравятся какие-то люди – убивайте их, изгоняйте и разделяйте, а потом надменно и развязно маршируйте по улице, провозглашая на весь мир, что вы и есть соль земли. Другое решение далеко не так броско и возбуждающе, но, в общем и целом, оно и есть решение демократическое, и я предпочитаю именно его. Если вам не нравятся какие-то люди, постарайтесь все же ужиться с ними по мере сил и возможности. Не пытайтесь их любить, вы этого не сможете и лишь понапрасну будете надсаживать себя. Только на основе терпимости можно построить цивилизованное будущее. Я не вижу никакого другого фундамента для построения послевоенного мира.

А для этого потребуются самые скучные и незаметные добродетели и все с отрицательной частицей «не». Надо быть не – обидчивыми, не – бесшабашными, не – раздражительными, не – мстительными. Тут кстати будет сказать, что я совершенно разочаровался в позитивных воинственных идеалах: их практически невозможно осуществить без того, чтобы тысячи людей не были искалечены или брошены за тюремную решетку. Фразы вроде: «Я очищу этот народ от скверны» или: «Я наведу в этом городе порядок» – вызывают у меня дрожь и отвращение. Возможно, раньше, когда мир не был так густо населен, эти фразы не очень много значили. Но теперь, когда народы смешались, когда ни один город не может быть искусственно изолирован от соседних, такие лозунги вселяют ужас.

И еще одно обстоятельство: переустройство мира – процесс долгий. Не верю я в то, что мы психологически готовы к быстрым переменам. Как бы ни были мудры наши архитекторы и составители планов, такую перестройку возможно осуществить лишь в течение длительного времени. Это подтверждается историей нашей цивилизации. Однако всем цивилизациям свойственны таинственные регрессии и отступления, и мне кажется, что мы сейчас находимся именно в стадии отлива и должны помнить об этом и вести себя соответственно. Терпимость, и я в этом убежден, в послевоенном мире станет категорическим императивом.

Всегда в таких рассуждениях уместен конкретный пример: в последнее время я часто задаю себе вопрос, а как бы я повел себя, если бы после подписания мира я встретился с немцами, которые сейчас против нас воюют? Я бы, разумеется, не стремился их полюбить. Не чувствую к этому ни малейшей склонности, хотя бы из-за того, что во время их последнего воздушного рейда в моей маленькой некрасивой квартире из окна вылетели стекла. Но я бы постарался терпимо отнестись к их присутствию, так как этого требует здравый смысл. Нам придется в послевоенном мире жить с немцами. Мы не можем их уничтожить, во всяком случае мы преуспеем не больше, чем сами немцы в их попытках уничтожить евреев. Да, нам

придется мириться с фактом существования немцев на земле и не из каких-то очень возвышенных соображений, а потому, что таков порядок вещей. При этом я не рассматриваю терпимость как великий, утвержденный свыше принцип, хотя, наверное, было бы уместно вспомнить еще одно изречение: «В доме Отца моего много обитателей» – в пользу такого взгляда. Однако это изречение позволяет выносить существование других на нашей перенаселенной планете. Оно помогает выжить, когда любовь не выдерживает испытания, а любовь, как правило, его не выдерживает, если мы покидаем дом свой и друзей и оказываемся среди чужих, например в очереди за картошкой. А в очереди очень нужна терпимость, иначе мы изведем себя вопросом: «Ну почему люди так медлительны?». Терпимость нужна в подземке, где мы негодуем на тесноту и на то, «зачем люди такие толстые?». И когда думаем, говоря по телефону: «Да что они там, совсем оглохли?» или же – «Почему он так неразборчиво мямлит?».

Терпимость нужна на улице, в офисе, на фабрике, но прежде всего в отношениях между классами, расами, нациями. Да, это скучно – быть терпимым, хотя терпимость неотрывна от воображения, потому что нам необходимо все время воображать себя на месте другого человека. Кстати, это хорошее средство для укрепления духовной выносливости. Эти необходимые усилия и старания быть терпимым к другим людям могут показаться неким подобострастием, чем-то недостойным, почему иногда добродетель терпимости отталкивает людей храбрых и пылких. Не могу припомнить, чтобы многие из числа великих когда-либо проповедовали терпимость. Св. апостол Павел явно ее не проповедовал и Данте тоже. А все-таки в памяти всплывают некоторые имена. Для этого нужно вернуться вспять на две тысячи лет и очутиться в Индии времен великого буддистского императора Асоки, который оставил запечатленными в назидание потомству не собственные деяния, но заповеди милосердия, взаимного понимания и мира. А если мы совершим странствие на четыреста лет назад, в Голландию, то познакомимся с ученым и мудрецом Эразмом, который поднялся над религиозным фанатизмом эпохи Реформации, за что его поносили обе враждующие стороны. В том же столетии существовал француз Монтень, утонченный, интеллигентный, остроумный человек. Он жил в своем мирном сельском доме и сочинял эссе, которые до сих пор восхищают нас и укрепляют наш дух на путях цивилизованности. В Англии был философ Джон Локк, а в Германии – да, в Германии – жил Гете. Эти люди воплощали кредо терпимости, которое необходимо для спасения нашего мира, где все друг друга расталкивают локтями».

(Э. Форстер. «Похвальное слово терпимости»)

Почему именно *толерантность* («терпимость») называют **важнейшим принципом теории прав человека?**

В) Равноправие

«Свобода. Равенство. Братство». Начиная с эпохи Великой французской революции, люди пытаются организовать жизнь на основе этих принципов. И если со «свободой» все более – менее ясно, а «братство» - не более чем благое пожелание морального характера, то вокруг понятия «равенство» споры не прекратились и вряд ли прекратятся в ближайшем будущем.

- Что Вы понимаете под «равенством»?
- В чем могут быть равны люди?

Если мы говорим о правах человека, то имеем в виду равенство в правах, то есть **равноправие**.

«Равенство как запрет дискриминации. Что такое запрет дискриминации? Это запрет биологически необоснованного разделения людей. Пример: закон, который говорит, что татарин или блондинка не могут водить машину, – это дискриминация татар и прекрасных блондинок. Но закон, который говорит, что слепой не может водить машину, – это не дискриминация, потому что имеется сильное физиологическое обоснование этого закона. И разные документы по правам человека, разные международные конвенции о правах человека перечисляют разные черты, по которым не позволено различать людей по национальностям, религиям, и прочее, и прочее. <...>

Если законодательство запрещает дискриминацию, там не будет таких слов как мужчина, женщина, татарин, русский, поляк, православный, католик и т.д. Если появляются в законах слова такого типа, то уже включается звонок: «Очень вероятно, что такой закон – дискриминация». Едва ли можно оправдать введение в законодательство таких слов».

(М. Новицкий «Власть и личность»)

Попробуйте подобрать примеры дискриминации в разных сферах жизни: работе, учебе, политике, личной жизни - и по разным основаниям: национальным, религиозным, возрастным, политическим и т. п.

5. Права человека – это естественные права, ставшие позитивными.

Итак, мы рассмотрели основные принципы теории *естественного права* («естественного закона»), на которой основаны представления об *универсальных моральных правах* («естественных правах»). Иногда мы называли эти права, вслед за М. Крэнстоном, «правами человека». Теперь остановимся на разнице в значениях двух этих терминов. Впервые словосочетание «права человека» появилось в «Декларации независимости» и Конституции Североамериканских Соединенных Штатов и во французской «Декларации прав человека и гражданина», то есть в *позитивных законах*. Значит, для французов и американцев, а также для всех людей, приехавших в эти страны, *естественные* права уже стали *позитивными*. Для всего остального человечества они оставались исключительно моральными до тех пор,

пока не были разработаны международные стандарты в области прав человека и Конституции большинства стран мира не включили в себя перечень основных прав и свобод. Сейчас мы можем говорить, что *права человека одновременно являются и моральными, и позитивными*. О том, как шел этот процесс, рассказывается в двух следующих текстах.

Текст 1

«Нюрнбергский процесс. Нацистские преступники были обвинены в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности. И по этому обвинению они были наказаны, а часть из них казнены. Но ведь на то время Конвенции о борьбе с геноцидом и наказании за него не существовало, международного уголовного кодекса нет до сих пор. На основании каких же норм были казнены нацистские преступники? (Нормы, созданные договором глав союзных держав, в счет идти не могут.) Нюрнбергский процесс исходил из того, что право на жизнь, право на свободу от пыток и подневольных медицинских опытов над людьми, свобода от рабства являются некоторыми самоочевидными естественными правами и свободами, являются правовыми первоэлементами, существующими независимо от того, воплощено ли это в национальном праве. И преступать эти самоочевидности естественных прав человека – преступно, даже если национальный (неправовой – !!!) закон это предписывает. На этом основании и были наказаны нацистские преступники».

☑ Каково было значение Нюрнбергского процесса для разработки международных стандартов в области прав человека?

«Советская эпоха. Советское социалистическое право со всеми прелестями права тоталитарного общества. Торжество вульгарного юридического позитивизма.

И даже на этом фоне естественный порядок вещей, какие-то естественно-правовые начала, относящиеся просто к справедливости и здравому смыслу, пробивали себе дорогу даже вопреки писаному закону.

Недавно С.С. Алексеев (член-корреспондент РАН, один из авторов ныне действующей Конституции РФ) вспомнил один интересный юридический казус. Советская эпоха и вдруг – решение Комитета конституционного надзора СССР о том, что неопубликованные акты не могут быть основанием для ограничения прав человека. То есть, если закон или указ, по которому вас могут к чему-то принудить, не был опубликован для всеобщего сведения, то, значит, на его основании ваши права не могут быть ограничены. Я спросил Сергея Сергеевича, а чем же они руководствовались? Не было такого акта, и прецедента тоже не было. Он ответил, что в Комитете была очень сложная и долгая дискуссия, члены Комитета долго не могли сформулировать и мотивировать решение. В конечном счете, они исходили из того, что права человека являются действующим правом и их ограничение возможно только с соблюдением определенной процедуры. Они не искали прецедента, не искали норму – ее не было. Не было формально никаких оснований говорить, что это незаконно. Но было четко и ясно объявлено, что в случае ограничения прав человека применение акта, который не был доведен до сведения граждан, недопустимо».

(С. Сироткин. «Старшеклассникам о праве»)

Текст 2

«В современном мире права человека становятся метаправом, или «правом для права». *Метанправо* – это общие правила для установления правовых систем.

Права человека выражены в основном законе государства и международных соглашениях; конкретные законы и административная практика – внутри страны и в отношениях между государствами – должны соответствовать принципам прав человека.

В наше время права человека перестали быть внутренним делом государства. Важная характеристика статуса прав человека – международная система их защиты. Гражданин, исчерпавший возможности защиты своих прав на родине, может обратиться в Комитет ООН по правам человека, а гражданин государства, подписавшего Европейскую конвенцию, может подать иск в Европейский суд по правам человека. Государство, не соблюдающее права человека, подвергается политическому и экономическому давлению, вплоть до вооруженного вмешательства (процедуры такого контроля установлены международным правом)».

☑ Не кажется ли Вам, что такая система лишает государство значительной части его независимости, прежде всего - права самостоятельно решать внутренние вопросы?

☑ Как Вы относитесь к людям, подающим жалобы на свое государство в международные инстанции?

«Несмотря на защиту прав человека международным сообществом, выражение их в национальном законодательстве большинства стран, пользование своими правами часто требует от человека специальных усилий, на которые не каждый способен. Тем не менее, борьба отдельных граждан приводит к совершенствованию юридических механизмов защиты, к изменению административной практики – и общая тенденция налицо: каждое поколение пользуется большей свободой, чем их родители.

Права человека частично отражены в действующем законодательстве, частично – нет. То есть принцип охраны прав властью государства реализуется не полностью. Какова в этом случае функция этих норм? Права человека – это вектор, указывающий направление общественного развития.

С одной стороны, это критерий оценки законодательства. В самом начале было сказано, что права человека – это основа формирования правовых систем. Если мы обращаемся к любому правовому документу – региональному, национальному или международному, – мы, прежде всего, анализируем, насколько он соответствует принципам прав человека. Это правило должно быть четко усвоено. В той мере, в какой закон соответствует правам человека, можно пользоваться законом. При расхождении надо руководствоваться высшим принципом, т.е. правами человека. Если раньше это было сложно, то теперь права человека выражены в Конституции Российской Федерации, которая обладает прямым действием. То есть можно апеллировать не к моральному идеалу, а к Основному закону страны. С другой стороны, формулировки прав человека, признанные в международном масштабе, являются инструментом реализации права. Человек может бороться за конкретное право вопреки ближайшему окружению, если знает, что эти требования признаны в мире.

Спрашивается – что проку знать человеку, что все цивилизованные страны признают свободу передвижения и выбора места жительства, если вот сейчас начальник отделения милиции отказывает ему в регистрации? Однако на практике обнаруживается, что ситуация для человека, который лишь смутно ощущает несправедливость, но не в силах выразить, в чем она заключается, гораздо тяжелее, чем для человека, который осведомлен о своей правоте и о том, что данный администратор нарушает такое-то конкретное право, которое нарушать нельзя. Такая осведомленность создает возможность свободного выбора: решаюсь я приложить усилия для защиты своего права или отказываюсь от этого, потому что данное право не стоит тех усилий. Правозащитники свидетельствуют – после того, как человек получает правовую интерпретацию той жизненной коллизии, в которой он оказался, его состояние резко меняется, он получает надежду. Даже если он откажется от реализации своих прав – знание того, что правда на его стороне, поддерживает его».

(Е. Русакова. «Что такое права человека?»)

6. Сфера прав человека – отношения «государство - личность».

«Права человека – это способ противостоять насилию над отдельной личностью со стороны государства и общества. Речь идет не только и не столько о физическом насилии, насилие – это и когда вас заставляют читать то, что вы не хотите читать. Насилие – это когда навязывают думать так, как вы не хотите думать, когда вас заставляют верить в то, во что вы не верите. Когда вами правит правительство, которое вы не уважаете и которому вы не доверяете. Вот это – разные формы насилия.

Права человека – **инструмент, который позволяет вам противостоять давлению, насилию.** Это всегда двусторонние отношения.

Права человека – как правила игры (и в этом их глубинный смысл). Игры, в которых всегда есть две стороны: человек, личность и государство – гигантская всесильная властная машина с армией, полицией, тюрьмами, перед которой человек всегда, казалось бы, бессилен, никогда не сможет ей противостоять, если это государство не будет ограничено в своем произволе правом, законом.

Так вот, права человека – это механизм, который не позволяет государству “проглотить” каждого из нас. Это и составляет сердцевину прав человека».

(С. Сироткин)

Как видите, в разговоре о правах человека все время возникает вопрос о государстве.

Что мы понимаем под государством? Термин «государство» имеет множество оттенков смысла. Одно из распространенных определений его звучит так:

«Понятие государства включает в себя территорию, граждан и систему политической власти в их неразрывной связи».

Данное определение – наиболее емкое, но именно поэтому наименее точное. Его можно трактовать тремя способами – в зависимости от того, какой из трех элементов считать главным:

1. Государство – это территория (страна), населенная людьми (народом, гражданами) и управляемая системой политической власти. В этом смысле можно сказать, например: «Россия – большое государство, а Люксембург – маленькое».

2. Государство – это люди (народ, граждане), проживающие на территории (в стране) и управляемые системой политической власти. В этом смысле можно сказать: «США – богатое государство, а Сомали – бедное».

3. Государство – это система политической власти, управляющая людьми, населяющими определенную территорию (страну). В этом смысле можно сказать: «Великобритания – демократическое государство, а Северная Корея – тоталитарное».

Эти значения термина «государство» очень любят смешивать воедино нечистоплотные политики. Когда говорится, что солдат защищает свое *государство*, то это можно понять по-разному: можно понять так, что он защищает свою землю и своих сограждан – иными словами, свою родину; а можно понять так, что он защищает группу людей, которые родиной управляют.

Еще Салтыков-Щедрин говорил, что у нас «Многие склонны путать понятия: "Отечество" и "Ваше превосходительство"». Понятно, что во все времена власть имущие были весьма заинтересованы в том, чтобы их и родину воспринимали как нечто единое. Это очень удобно: всякий, кто недоволен

существующей властью, может услышать: «Ты что же, не любишь свою родину?» - и не найдет, что ответить.

Чтобы не попадаться на эту удочку, давайте сразу же разделим понятия «страна», «народ» и «система политической власти». *Именно систему политической власти мы будем понимать под «государством».* Государство не является родиной – государство родиной управляет. Иногда не лучшим образом.

О том, как могут строиться отношения между властью и гражданами, рассказывает М. Новицкий.

«Права человека – это соотношения человек-власть. История знает три способа, как эти отношения можно организовать.

Первый способ. Власть дарит какие-то права и свободы подчиненным гражданам. Власть – хорошая, добрая, и вот она нам подарила свободу высказывания, свободу совести и т.д. На таком принципе были основаны все коммунистические конституции. Например, конституция 1831 года. Итак, первый тип мышления: наши права – это подарок власти.

Есть и другой подход, связанный с мышлением французской революции. Он появляется в Европе в конце XVIII века. Это – общественный договор. Есть люди, и есть власть. И люди, и власть говорят: «Давайте договоримся. Я, человек, буду что-то делать для власти. Например, если будет надо, пойду на войну или буду оплачивать налоги. А власть будет делать что-то для меня – гарантировать мои права и защищать мою свободу». И такой договор оптимален и для власти, и для людей. Это второй тип мышления.

Есть еще и третий тип. Он появляется тоже в конце XVIII века в США, где люди приходят к выводу, что хорошо было бы организовать государство. Государства нет, и надо его создать. У людей есть права и свободы, которые возникают из их человеческого достоинства, потому что люди – это люди. Итак, люди организуют государство, и чтобы оно вообще могло действовать, они передают ему часть некоторых своих прав и свобод. То есть ограничивают свои права и свободы. К примеру, человек ограничивает свое право на собственность и оплачивает налоги, потому что если у государства не будет денег, оно не сможет действовать. Или приходят к выводу, что если надо будет умирать за родину – пойдут умирать за нее, поскольку страна без защиты существовать не сможет. При этой системе у власти есть столько прав, сколько ей передали люди.»

(М. Новицкий «Власть и личность»)

Что общего есть между вторым и третьим типами отношений? Чем они отличаются?

Какой тип отношений, с Вашей точки зрения, кажется гражданам современной России наилучшим? На чем основано Ваше мнение?

7. Кто может быть нарушителем прав человека?

Существует две концепции, по-разному отвечающие на этот вопрос. Первая исходит из того, что права человека – это механизм защиты личности от государственной власти, и значит, нарушителями наших прав могут быть только представители этой власти. Согласно второй, любой человек, совершивший какое-то преступление против личности, является нарушителем прав человека. На первый взгляд, именно вторая точка зрения кажется нам наиболее естественной и понятной: разве убийца не лишает человека его права на жизнь, а насильник – права на личную неприкосновенность? Попробуем разобраться в аргументах сторонников обеих концепций.

«Мы описываем ситуацию в терминах прав человека, если нарушителем выступает государство. Представьте себе, что некий человек (частное лицо) – в силу вражды, умышленно или по неосторожности – поджог дом соседа, и все сгорело дотла. Совершенно очевидно, что такой человек будет привлечен к уголовной ответственности: государство как бы «не имеет ничего против» того, чтобы виновник понес наказание. А если дом мирного жителя разрушен в результате «ковровой бомбардировки» в ходе военной операции – как это происходит сейчас на Кавказе? (Среди пострадавших таким образом – жители казачьих станиц на территории Чечни и Дагестана, рабочие, работавшие на предприятиях Грозного, местные крестьяне и т.п.) Оказывается, в этом случае тяжело добиться компенсации, потому что виновник – государство. Вот в этом случае требуется задействовать международные механизмы защиты прав человека, чтобы оказать давление на государство-нарушителя.

Если милиционеры водворяют без должных оснований и на неопределенный срок человека за решетку, при этом он подвергается избиениям и угрозам – ясно, что нарушителем является государство в лице своих служащих. Если человека похищают и избивают при тех же обстоятельствах бандиты, родные обращаются к государству за помощью. Если помощь оказана – мы описываем ситуацию в терминах уголовного права (законодательства). Иное дело, если государство не считает нужным вмешиваться: тогда мы можем говорить о несоблюдении государством принципа личной неприкосновенности.

А если группа местных жителей в силу своих национал-экстремистских взглядов систематически нападает на представителей той самой национальности, избивает, угрожает? В том случае, если на защиту притесняемых не встает милиция и нападающие не предстали перед судом, нарушителем опять же считается государство. В условиях правового государства люди экстремистских взглядов не осмелятся на активные действия, зная, что любые попытки будут немедленно пресечены, а их самих ждет суровое наказание.

К сфере прав человека не относят ситуации, регулируемые гражданским правом: например, если вы дали деньги в долг, а должник отказывается вернуть их, суд может принудительно изъять его имущество в счет уплаты долга. Если одно предприятие грубо нарушило сроки поставки товара другому, арбитражный суд обяжет нарушителя компенсировать убытки пострадавшему.

Другое дело, если суд не выполняет своих функций: например, у вас не принимают заявление, составленное в соответствии с требованиями закона; суд обнаруживает пристрастность, предвзятость, затягиваются сроки рассмотрения дела – тогда опять же мы можем сказать, что государство нарушает право граждан на справедливый суд.

В обиходе, к сожалению, термин «государство» вызывает в сознании смутный образ некой темной бесформенной силы. Именно говоря о нарушении прав человека, необходимо помнить, что государство – это всего лишь система управления, и у «дракона» этого всего лишь три головы: законодательная власть (нами избираемая), исполнительная (те самые «чиновники», в том числе милиция) и судебная. Тогда очевидно, как может нарушаться права человека каждая из ветвей: законодатели могут игнорировать эти принципы при создании конкретных законов (пример – некоторые статьи Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г.), исполнительная власть может нарушать права человека в административной практике (неправомерные аресты, закрытие «неудобных» газет и т. д.), судебная власть – не обеспечивая справедливого, беспристрастного и своевременного разбирательства дела. Различать эти структуры необходимо. Часто удается найти «управу» на конкретного нарушителя из одной ветви власти, используя силы другой ветви. Например, воспользоваться силами депутатского контроля для пресечения самоуправства местной милиции либо подать в суд на министерство-нарушителя».

(Е. Русакова «Что такое права человека?»)

«Часто к нам приходят люди и говорят: «Вы занимаетесь правами человека, помогите мне, меня жена бьет, или – погода нехорошая, или – денег у меня нет». Это не проблемы прав человека. Права человека – это только то, что происходит между властью и личностью, это не проблемы соотношения между единицами: мной и моей женой, соседом, ребенком.

Права человека – это только когда с одной стороны – власть, а с другой – человек, подчиненный этой власти. В каком-то смысле можно употреблять язык прав человека в отношениях между школьником и директором, родителем и ребенком, потому что здесь тоже есть какая-то власть, но отношения между равноправными партнерами не могут быть описаны на языке прав человека. Были такие попытки, но они оказались неудачными. И теперь, если кто-то говорит о правах человека, то он имеет в виду отношения личность - власть».

(М. Новицкий «Власть и личность»)

Согласны ли Вы с мнением М. Новицкого о том, что отношения между родителем и ребенком, директором и школьником «в каком-то смысле» можно описывать в терминах прав человека? А между работодателем и работником?

Итак, подведем промежуточные итоги. Существующие в обществе отношения можно условно разделить на «горизонтальные» и «вертикальные». В основу этого деления положен признак наличия или отсутствия *формальной* (закрепленной законом!) *власти* одного участника отношений над другим. С точки зрения первой концепции, изложенной М. Новицким и Е. Русаковой, только при наличии «вертикальных» отношений обладающая властью сторона может стать нарушителем прав человека.

Сторонники второй концепции обычно приводят следующие аргументы:

Вы утверждаете, что для нарушения прав человека необходимо наличие вертикальных связей между носителем права и нарушителем его? Давайте разовьем эту мысль. Разве человек, имеющий в руке нож, не обладает в данный момент властью над безоружным? Пусть эта власть кратковременна, пусть она не зафиксирована официально – но ведь она реально существует!

Любая власть основана на превосходстве в силе. Почему государство обладает властью над человеком? В конечном итоге – потому, что оно имеет механизм принуждения в виде армии, полиции и т.д. То же самое можно сказать и про власть, которой обладают по отношению к человеку организация, коллектив или другой человек.

Если абсолютно любой субъект (т.е. государство, организация, коллектив, человек) может в определенной ситуации обладать властью над человеком; следовательно, любой субъект может быть нарушителем его прав.

Согласны ли Вы с тем, что власть бандита над жертвой, власть хозяина над работником, власть лидера политической партии над членами партии и власть государства над гражданами – явления одного порядка?

Чем должны заниматься правозащитные организации? Подготовьте, пожалуйста, два варианта ответа — с точки зрения обеих концепций.

Среди сторонников обеих концепций – политики и ученые, юристы и активисты общественных (неправительственных) организаций. Дискуссия, продолжающаяся уже более полувека, с самого начала

приняла международный характер. Интересно, что если во времена существования «социалистического лагеря» общепринятой на Западе была первая концепция, то сейчас мы все чаще встречаем европейских и американских исследователей и активистов-практиков, которые склоняются ко второй.

Нетрудно догадаться, что авторы данного курса «Права человека» исходят из того, что сфера прав человека – это отношения личности и государства. Поэтому в дальнейшем мы будем анализировать ситуацию с соблюдением прав человека в нашей стране, основываясь на первой концепции. Кстати, при чтении материалов по теме № 2 обратите внимание на то, что во всех международных документах говорится о механизме защиты прав человека именно от государственной власти. Ни Комитет по правам человека ООН, ни Европейский Суд по правам человека не примут к рассмотрению жалобу на действия частного лица – только на действия (или бездействие) представителей властных структур (недаром все дела в Европейском суде называются «Такой-то человек – против государства»).

В российском законодательстве, если речь идет о нарушении именно того или иного права человека (и об этом прямо сказано в названии статьи закона), тоже говорится исключительно о действиях представителей власти.

8. Критическое отношение к закону и правовой нигилизм.

За критическое отношение к действующему российскому законодательству, оценку того или иного закона с точки зрения прав человека правозащитники часто обвиняют в поддержке правового нигилизма. Что же это такое?

Правовой нигилизм – это отрицательное или равнодушное отношение к праву как к средству регулирования отношений между гражданами, а также между гражданами и государством.

Правовой нигилизм может проявляться не только в прямом нарушении законов, но и в стремлении выстраивать формальные отношения на неправовой основе, а также просто в необращении к законам за защитой (восстановлением) нарушенного права.

Зачастую эти поступки вытекают друг из друга. Вот что пишет Петр Авен о «нравах» современного бизнеса: «Неформальное общение в бане или распитая совместно бутылка становятся залогом выполнения контракта или даже заменяют его. А так как... легального контракта нет, то после срыва договоренностей начинается пальба, освященная необходимостью возмездия за попорченную дружбу».²

Здесь мы видим, что обход закона (неоформление сделки) влечет за собой прямое правонарушение (пальбу). И на всех этапах людьми руководит одна нехитрая мысль: «Обойдемся без закона!»

Роль государства в формировании правового нигилизма можно свести к следующим случаям.

а) Несовершенство права. Государство создает плохие (антигуманные, аморальные, несправедливые) законы, которые ущемляют права граждан.

б) Государственный произвол. С законами все в порядке, но государство само же их и нарушает.

в) Неисполнение закона. С законами опять-таки все нормально, но государство не может или не хочет следить за их соблюдением и наказывать правонарушителей.

г) Прямая государственная пропаганда правового нигилизма.

Известный русский юрист А.Ф. Кони писал: «Власть не может требовать уважения к закону, когда сама его не уважает, ибо граждане вправе отвечать на ее требования: «Врачу, исцелися сам».³

По этому поводу Герцен еще в начале 50-ых годов 19 века писал: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школою. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство».⁴

Отдельно надо сказать о пропаганде правового нигилизма.

Государство всегда объективно заинтересовано в том, чтобы гражданин, с одной стороны, исполнял законы государства, а с другой стороны – не пытался сопротивляться, когда само государство посягает на права человека. Поэтому всякое государство испытывает соблазн, борясь с «активной» формой правового нигилизма, несколько поощрить его «пассивную» форму. Цивилизованное государство удерживается от этого соблазна, нецивилизованное – не удерживается.

Как видим, государственный правовой нигилизм непосредственно усугубляет правовой нигилизм в обществе.

С другой стороны, правовой нигилизм, бытующий в обществе, тоже влияет на государственный правовой нигилизм. Когда граждане не хотят обращаться в полицию и в суд, защищая свои права, полиция и суд постепенно привыкают к такому положению вещей. Государство, как говорится, «отвечает ожиданиям» общества.

☑ Сформулируйте, в чем же разница между правовым нигилизмом и критикой закона с точки зрения прав человека?

² Авен П. Экономический рост и общественная мораль// Коммерсантъ. 2000. 29 окт.

³ Анатолий Федорович Кони. 1844 - 1924. Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 76-77.

⁴ Герцен А.И. Собр. соч. Т 7. М., 1950. С. 251.

9. Проблема «соотношения прав и обязанностей».

«Еще одна очевидная проблема, которая тоже возникает довольно часто. В большинстве наших конституций права и обязанности появляются вместе. Вот часть польской конституции, которая говорит о моих правах. Она называется: «Права и обязанности граждан». И школьные законы говорят: «Права и обязанности ученика». Под этим подразумевается, что если ты будешь выполнять свои обязанности, то мы, власть, будем гарантировать твои права. С точки зрения прав человека это чистойшей ерунда. Почему? Мои права и свободы есть у меня потому, что я – человек. Они возникают из моего человеческого достоинства. Мои обязанности перед государством действительно есть, но это совсем другая проблема. Они – результат того, какое государство мы построили, какие права мы ему передали. Здесь нет этих философских основ, и у меня есть права и свободы независимо от того, выполняю я свои обязанности или нет. Государство может меня наказать, если я не буду этого делать, но права от этого не зависят».

(М. Новицкий «Власть и личность»)

О «единстве», «неразрывной связи» прав и обязанностей особенно любят говорить педагоги. В большинстве учебников по правоведению, обществознанию авторы очень подробно рассуждают о самых разных обязанностях, об опасности знания только прав.

Перед Вами – цитата из рецензии на учебник «Живое право», созданный коллективом авторов из Санкт-Петербургского Института права им. принца Ольденбургского.

«Примирить конфликт личной свободы и эгоизма в учебнике предлагается следующим образом: «если у меня есть право, значит, у кого-то есть обязанность – а если ни у кого такой обязанности нет – нет и права!» Вот так. Если у моего соседа нет «обязанности» не читать мои личные письма, значит, и мое «природное» право на неприкосновенность частной жизни куда-то улечувчивается. Мне кажется, что единственный субъект, несоблюдение обязанностей которым подвергает мои права особому риску, – это государство. Формула («если... то...») в тексте приравнивается к хрестоматийной формуле «Твоя свобода размахивать кулаком ограничена носом твоего соседа». Но здесь нельзя поставить знак равенства. Последняя формула никакой обязанности не подразумевает. В том-то и разница, что свобода здесь ограничена «естественной обязанностью», а вполне конкретным «носом соседа». И это не просто метафора или риторическая фигура. Здесь имеется в виду естественный механизм сосуществования свободных людей: ведь у соседа имеется не только нос, но и такие же свободные руки, как у тебя. А значит, обратная сторона свободы – осознание ответственности за последствия ее осуществления. И здесь мы подходим к ключевому вопросу: разнице между понятиями **ответственность** и **обязанность**. В русском языке значения этих слов отличаются: **обязанность** подразумевает внешний контроль (невозможно сказать «чувство обязанности», а выражение «естественная обязанность», предлагаемое авторами, сродни «искусственной совести»), тогда как **ответственность** означает, в первую очередь, внутреннее понимание необходимости держать ответ за свои поступки. Формула, которой мы открыли этот абзац, с учетом сказанного будет звучать так: если кто-то нарушает мое право, значит, он должен помнить, что за свой поступок он непременно – тем или иным образом – будет отвечать (по крайней мере так должно произойти в правовом государстве). Собственно говоря, судя по контексту, в котором употребляется термин «естественная обязанность», введенный авторами, последний вполне заменим термином «ответственность», и я не понимаю, почему авторы его не использовали.

Слово «обязанность» крупно подвело авторов на следующем этапе рассуждений, поскольку далее, как продолжение списка «естественных обязанностей», идет перечисление статей Конституции РФ об обязанностях гражданина. Получается, что наличие у человека естественных прав ставится в прямую зависимость от уплаты налогов, службы в армии, заботы о природе, историческом и культурном наследии и т.д. (Отсюда, между прочим, следует, что любой преступник не может требовать от государства соблюдения своих прав!)

(А. Луховицкая Рецензия на учебник «Живое право»)

«Легко видеть, что свобода распоряжаться собой не абсолютна: она ограничена свободой других. Жизнь в обществе означает, что я добровольно ограничиваю реализацию своих прав ради сосуществования с такими же, как я. Это возможно, если я осознаю ответственность за соблюдение прав – своих и чужих; если я несу ответственность за последствия реализации своих прав. Например, принцип свободы слова и печати означает отсутствие государственной цензуры. Я как журналист не подотчетен государству. Однако я несу ответственность за то, чтобы никакая публикация не нанесла урон чьим-нибудь правам. Например, нельзя публиковать призывы к дискриминации кого-либо – скажем, призыв не покупать продукты в магазинах, принадлежащих представителям другой национальности. Нельзя публиковать сведения о частной жизни кого-либо. Нельзя называть преступником человека, о котором еще не вынесено решение суда. (Среди тележурналистов развитых стран не принято показывать лица арестованных, подозреваемых, пока нет приговора.) Все это не является обязанностью журналиста; только его гражданская ответственность является залогом справедливости и порядка.

(Е. Русакова. «Что такое права человека?»)

Вопрос о соотношении прав и обязанностей можно поставить и по-другому.

«Если я говорю, что у меня есть право на что-то, это значит, что те, у кого есть власть, должны поработать и сделать что-то для меня. Если бы имелось право на работу, то это означало бы, что царь-батюшка или Президент, парламент, министры должны поработать и сделать так, чтобы я нашел работу по своей специальности недалеко от своего места жительства. Если говорится, что есть право на обучение, то это значит, что обязанностью тех, у кого есть власть, является организация системы школ, таких, чтобы я мог послать своего ребенка в школу учиться. Это не значит, что все школы будут бесплатные, что государство должно за все платить. Но правительство ответственно за то, чтобы такая система работала.

Если у меня есть *право* на что-то, значит, есть обязанность у власти. Если же у меня есть *свобода* на что-то, это значит, что есть такой район в моей жизни, в который те, у кого есть власть, не должны вмешиваться. Мое право – это обязанность власти что-то сделать, моя свобода – это запрет ей действовать в какой-либо области».

(М. Новицкий «Власть и личность»)

(В юридической литературе часто *право* называют «*позитивным правом*», а *свободу* – «*негативным правом*».) Эта классификация не имеет ничего общего с уже известным нам противопоставлением «*позитивные права*» - «*моральные права*».

Итак, с обязанностями власти по соблюдению и обеспечению наших прав все ясно. Но ведь каждый человек прекрасно знает, что у него как у гражданина есть определенные обязанности, именно обязанности, а не ответственность за тот или иной свободный выбор. О гражданских обязанностях рассуждает М. Новицкий.

«Права и обязанности

Если уж говорить об обязанностях (я ухожу в сторону, это не относится к правам человека), то можно очень коротко сказать, сколько этих обязанностей. Их всего-навсего четыре. Первая обязанность – это платить налоги. Если я не буду платить налоги, то государство не сможет выполнять свои основные действия: организовывать армию, полицию, суд. Вторая обязанность – это защищать родину. Если я – гражданин моей страны и кто-то ей угрожает, то я обязан ее защищать. Это не обязательно означает, что мне надо взять «калашникова» и пойти стрелять. Защищать можно по-разному, но это моя обязанность – включиться каким-то образом в защиту родины.

С третьей обязанностью уже более сложно. Некоторые говорят, и они не правы, что гражданин должен выполнять закон. Это не так. Гражданин имеет право нарушать закон. Я думаю, что большинство из нас в коммунистическое время нарушали закон. Все революции, вся подпольная деятельность – это было нарушением закона. Но я, когда нарушал законы моей страны, чувствовал, что я выполняю гражданский долг, что мне надо нарушать эти законы, и это справедливо. Но это было чуть-чуть по-другому, потому что я думал, что правительство, которое было в моей стране, – это не мое правительство, что моей страной управляет кто-то не тот. А здесь речь идет о демократической стране. Тут тоже можно нарушать законы, но это целая теория сопротивления незаконной власти. И если я чувствую, что я здесь живу, что это моя страна, что это демократически исправная власть, но в моей стране есть какой-то закон, с которым я не согласен, мне он не нравится, я думаю, что он аморальный и что он вреден людям, тогда я могу пойти и официально стать нарушителем этого закона, но моя обязанность – подчиниться решению суда. Это – моя гражданская обязанность. А другие будут смотреть, что я сижу в тюрьме, все больше и больше людей будут обращать на это внимание, будут выступать против этого закона, и закон поменяется. Мы не скрываемся, мы нарушаем законы, которые считаем плохими, но подчиняемся решению нашего суда. <...>

И последняя, четвертая гражданская обязанность. Это уже просто. Свергнуть власть, которая нарушает права человека. Если путем демократических выборов или каким-то другим путем к власти пришли люди, которые нарушали права граждан, которые действовали в свою пользу, а не служили людям, то нужно свергнуть такую власть. Это тоже обязанность гражданина. И интересно то, что в первом варианте французской конституции появляется эта обязанность гражданина свергнуть власть, которая начнет служить самой себе, а не гражданам. Потом, со временем, это исчезает, и сейчас во французской конституции этого уже нет.

Это были все гражданские обязанности. Больше никаких нет. Есть обязанности по отношению к жене, к соседу, но это уже другой тип обязанностей».

(М. Новицкий «Власть и личность»)

Согласны ли Вы с тем, что права не зависят от выполнения обязанностей? Разве права не накладывают определенную ответственность, из которой вытекают различные обязанности?

Согласны ли Вы с тем списком обязанностей гражданина, который предлагает М. Новицкий?

Существуют ли какие-то особенные обязанности родителей, детей, школьников, студентов, учителей, директоров предприятий? В чем их принципиальное отличие от обязанностей гражданина?

10. Проблема универсальности прав человека для разных культур.

Запад есть Запад, Восток есть Восток,

*И с места они не сойдут,
Пока не предстанут небо с землей
На Страшный Господень суд.
Р. Киплинг*

Все ли люди на нашей планете испытывают потребность в одних и тех же правах? Можно ли говорить о каком-либо минимальном списке универсальных прав, не учитывая специфики разных культур? Может быть, права человека – результат развития только западноевропейской, христианской цивилизации?

Прочитайте длинную цитату из заявления министра иностранных дел Индонезии, которое прозвучало 14 июня 1993 года в Вене на Всемирной конференции по правам человека. Это заявление точнее и корректнее других отражает позицию, оправдывающую нарушение прав человека спецификой «незападных сообществ».

“Я хотел бы отметить, что представители развивающихся стран понимают и ценят развитие образа мысли и мотивы, лежащие в основе современной западной политики и взглядов на права человека; мы вправе ожидать, по крайней мере, такого же понимания и уважения исторического развития и опыта незападных сообществ и наших культурных и социальных ценностей и традиций. Многие развивающиеся страны, некоторые из которых гордятся древней и высоко развитой культурой, имеют отличающийся от западных стран опыт исторического развития в отношении формирования своих идей прав человека и демократии. Действительно, они зачастую выработали свои собственные, отличающиеся представления, основанные на ином опыте отношений между личностью и обществом, человеком и другими людьми, а также прав человеческого общества по отношению к правам индивидуума. Отмечая этот факт, я не собираюсь предлагать особую или альтернативную концепцию прав человека. Я хотел бы лишь призвать к большему пониманию чрезвычайной сложности проблемы прав человека, вызванной различиями в истории, культуре, системе ценностей, географии и стадий развития государств мира...”

Хотя права человека по своей природе действительно универсальны, сейчас общепризнанно, что их выражение и применение в национальном контексте должно оставаться прерогативой и ответственностью каждого отдельного правительства. Это означает, что должны приниматься во внимание сложный комплекс проблем, различные экономические, социальные и культурные условия, а также уникальные системы ценностей, принятые в разных странах. Подобные полномочия стран не только вытекают из принципа суверенитета государств, но и являются логическим следствием принципа самоопределения”.

☑ Приходилось ли Вам слышать похожие рассуждения о чуждости западных ценностей менталитету русского народа? Согласны ли Вы с этими рассуждениями?

В 2001 году в журнале «Индекс. Досье на цензуру», издаваемом Фондом защиты гласности, были опубликованы три статьи (У. Эко, М. Игнатъеффа и Р. Дворкина), посвященные этой проблеме. Дискуссию открыл У. Эко, заявив, что самые основные потребности и связанное с ними представление о правах человека присущи людям самых разных культур, независимо от уровня развития того или иного общества.

«Другой» человек – другое отношение

«Откуда у этого моего объекта исследования, совершенно невежественного, дикого самца (или самки), быстро разработавшего свой инстинктивный перечень общих понятий и усвоившего, что ему хочется делать, и что он не хотел бы, чтобы делали с ним, – откуда у него берется понимание того, что нельзя поступать с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступали с тобой? Потому что в Раю, к счастью, вскоре стало довольно-таки много народу. Этическое измерение начинается тогда, когда на сцену выходит Другой. Всякий закон, моральный или юридический, всегда регулирует отношения между личностями, включая и отношения с тем «Другим», который этот закон предписал.

<...> Почему же в таком случае есть или были прежде такие культуры, которые оправдывают массовые убийства, каннибализм, истязания? Да просто потому, что в их понимании понятие «другие» сводится к племенному (или этническому) сообществу, а «варваров» они за людей не считают; ведь и крестоносцы не видели в неверных своих ближних и не проявляли к ним чрезмерной любви. Дело в том, что признание за другими этой роли, необходимость уважать те их требования, которые мы считаем оправданными у себя, – это результат тысячелетней эволюции. Даже христианская заповедь о любви к ближнему была провозглашена, и с большим трудом принята, только когда для этого пришло время.»

(У. Эко «Во что верят неверующие»)

Его первый оппонент, М. Игнатъефф, не так категоричен.

«Когда Умберто Эко пишет: «... есть универсальные понятия об ограничениях: все мы не хотим, чтобы нам запрещали говорить, смотреть, слушать...», он подводит нас к вопросу о самой сути моральных оснований, на которых существует Index⁵. Ведь сейчас, на исходе XX века, скептицизм вошел в нашу плоть

⁵ Журнал «ИНДЕКС. Досье на цензуру», откуда взяты статьи Эко, Игнатъеффа и Дворкина

и кровь, и, видя слово «универсальный» – а за ним просматриваются далеко идущие притязания – мы начинаем перебирать в уме те общества, в которых молчание большей части народа не воспринимается как ограничение, те общества, где безгласность женщины неотъемлема от ее женского достоинства, где честь семьи предполагает, что голос имеет только ее глава, те общества, где во имя великих идей, светских или религиозных, люди должны пренебрегать внутренними проблемами, где идейная обработка столь мощна, что люди просто не ощущают протеста против этой обработки. Только в тех обществах, которые все-таки дают возможность личности сформироваться хоть в какой-то степени, человек начинает ощущать удушье, беспокойное чувство совершающейся несправедливости, которое так прекрасно описал Эко.

Личность вовсе не обязательно должна быть сформирована по западному образцу – светскость, либеральность, разочарованность и сознание своих прав не являются необходимыми ее признаками. ... Чтобы человек почувствовал те ограничения, о которых говорит Эко, чтобы он ощутил тоску по свободе слова, ему сначала надо понять, что он обладает своим собственным голосом. Эко говорит об убеждении, что Другой находится внутри нас. Какой бы смысл мы ни вкладывали в это высказывание, оно, в частности, означает, что между индивидуальным и социальным, между личным опытом и доминирующим в обществе мнением есть некое пространство, в котором происходит самовыражение личности. В антропологии уже стало трюизмом, что в некоторых обществах этого базового самоощущения личности не существует. Было бы неверно трактовать этот факт как недостаток, лишение, которое мешает, препятствует развитию членов этого общества. Ведь отсутствие зазора между личностью и обществом можно рассматривать и как добродетель. В самых патриархальных и религиозных обществах женщины приучены к тому, что безгласность и изоляция от социальной сферы неотъемлемы от женского достоинства и женственности как таковой; возможно, впрочем, что компенсацией им служит высокий статус в семейной жизни. <...>

Иначе говоря, вполне возможно, что свобода слова отнюдь не «универсальна» и не «естественна» (если пользоваться терминологией Эко). Вряд ли возможно строить основание этики на видовых свойствах человека, поскольку человеческая природа слишком пластична, податлива и потенциально порочна, а варианты социального устройства слишком многообразны. <...>

(М. Игнатъефф⁶ «Многообразие опыта»)

☑ Как вы считаете, а может, вообще не надо вмешиваться в жизнь людей иной культуры, в которой не развиты или отсутствуют идеи прав человека? Зачем? Принесет ли подобное вмешательство пользу этой культуре, не нарушит ли естественный ход её развития?

«... Чем оправдать активное вмешательство в защиту прав человека на свободу слова в культурах и ситуациях, нам чуждых?»

Прежде чем в той или иной форме вмешиваться в чью-то жизнь или культуру, нам требуется прояснить нравственные основания для такого вмешательства. Оказывая поддержку людям, вы должны быть твердо уверены, что они хотят этой поддержки, более того, что ваши ценности: свобода слова и права человека – являются ценностями и для них. На самом деле, требование морального действия, вмешательства должно исходить от них, от их нужд, от их представлений и добре и зле. Только они должны определять границы и степень вашего вмешательства в их образ жизни и мыслей.

... Предлагаю противоречивый пример. Предположим, афганские женщины при режиме Талибан станут искать помощи западных правозащитников, чтобы добиться права свободно ходить по улицам и встречаться с западными журналистами без присмотра мужей. Это не обязательно означает, что они отказываются от мусульманских представлений о месте женщины, это не обязательно означает, что они протестуют против раздельного обучения для своих детей. Они хотят иметь права, оставаясь правоправными мусульманками. И нет причин, по которым это невозможно. Исламские фундаменталисты и некоторые западные деятели впадают в одно и то же заблуждение, когда думают, что права человека в западном понимании представляют собой некий пакет: покупая одно, вы неизбежно покупаете все, причем торг о цене неуместен. Политика в области прав человека оправдана только в том случае, если работает на расширение, а не на сужение круга возможных форм частной и общественной жизни, из которого и индивиды, и общество смогут свободно выбирать то, что им нужно.

... И если мы бросим попытки найти неопровержимые и неоспоримые основания светской этики непосредственно в человеческой телесности, это будет говорить о нашей скромности и способствовало бы пониманию Другого и на родине, и за границей. Идеи Умберто Эко ... направлены на создание общего языка с тем, что в западной культуре называется «Другой». Но аргумент телесности не завершает спор между культурами, напротив, он его начинает. Что в одной культуре страдание, в другой – экстаз, что в одной культуре оскорбление, то в другой – досадное недоразумение. Тело есть у всех, это верно, но сознание, с которым мы живем в границах этого тела, у нас разное. Стало быть, дело не в том, чтобы разделять одни и те же этические принципы, а в том, чтобы найти процедуру, регламент, в соответствии с которым и обсуждать наши аргументы. Эта процедура обяжет всех нас, к какой бы культуре мы ни принадлежали, придерживаться минимальных моральных установок: по возможности стремиться понять нравственный мир Другого, уважать саму дистанцию, которая отделяет нас от Другого, и рассматривать диалог на эти темы не как демонстрацию силы или культурного превосходства, а как попытку убедить и

⁶ Михаил Игнатъефф – писатель и ведущий на радио. В настоящее время занят книгой об истории представлений о морали в XX веке

понять. ... Если терпимость – ценность, то ценность «размытая», она яснее понимается, когда становится процедурой. Она не выше остальных ценностей, но именно она дает возможность обсуждения моральной аргументации без кровопролития».

(М. Игнатьев. «Многообразие опыта»)

- В чем вы видите отличия этой теории от представлений У. Эко?**
- Не кажется ли вам, что определение прав человека как универсальной ценности можно считать навязыванием идеалов Запада другим культурам?**

Третий участник этой заочной дискуссии предлагает свое объяснение позиции тех «восточных» правительств, которые, ссылаясь на национальные и религиозные особенности, не хотят выполнять своих международных обязательств в области прав человека.

«Недавно нам недвусмысленно напомнили, что старые, грубые, незатейливые формы цензуры на огромной территории планеты все еще в порядке вещей. После демонстраций на площади Тяньаньмынь в 1989 году, когда китайские солдаты убили сотни протестующих, британская администрация в Гонконге приняла ряд законов о гражданских правах, гарантирующих свободу слова и демонстраций. Но китайцы ясно показали, что эти законы будут отменены после 1 июля, когда управление Гонконгом перейдет к Китаю, и что на этой территории впоследствии будет проводиться общекитайская политика пренебрежения к основным правам человека (См. Index/Досье № 1). В документе, принятом 9 апреля, бывший корабельный магнат Тунг Чи-хва, назначенный Китаем на пост первого главного администратора при новом режиме, заявил, что... новое правительство должно «добиться равновесия между гражданскими свободами и социальной стабильностью, между правами личности и общественными обязанностями, между индивидуальными интересами и общим благом».

... Среди азиатских политиков, которые порочат идею прав человека, вошло в обычай опираться на **культурный релятивизм**, который, к сожалению, стал популярен и в западных университетах. Они утверждают, что индивидуальные права в системе «азиатских» ценностей, в отличие от системы «западной», не играют решающей роли, что попытки западных правительств заставить страны Востока отказать от своего культурного наследия есть ни что иное, как культурный империализм. Именно эту струну стремится задеть Тунг упоминанием о «стабильности», «общественных обязанностях» и «общем благе». Он давал понять, что азиатские ценности менее эгоистичны и индивидуалистичны, чем западные, и что сравнительно большее значение здесь имеют ценности противоположные – «общего дела» и коллективной ответственности.

Понятие «азиатских» ценностей – само по себе фальшивка: культуры народов Азии разнообразны, каждая из них несет в себе целый сонм этических традиций. Мы можем, однако, подвергнуть проверке утверждение Тунга и вообще защиту деспотизма, которая в нем содержится. Спросим, придерживаясь его же логики, какими другими «западными» ценностями, помимо предполагаемого эгоистического индивидуализма, следует пренебречь как культурно чуждыми. Прежде всего, разумеется, самой демократией, понимаемой как самоуправление народа. Мысль, что люди должны править собой сами, едва ли можно считать индивидуалистической или эгоистической. Она предполагает, что политическое сообщество должно действовать как своего рода сообщество партнеров, в котором каждый гражданин берет на себя некоторую ответственность за коллективные решения, и что идеал может быть осуществлен, только когда граждан приглашают участвовать в правлении как равных, а это означает, по меньшей мере, что никому нельзя отказать в праве голоса при коллективном обсуждении на том основании, что его мысли считаются оскорбительными или опасными.

Но, вероятно, Тунг и его коллеги отказались бы и от демократии (по крайней мере, в этом ее понимании) как от еще одного западного наваждения. Китай в целом, сказали бы они, не имеет достаточного опыта самоуправления, а потому было бы неразумно экспериментировать с демократией западного типа в решающий исторический момент перехода к конкурентоспособной экономике. Если разрешить деятельность новых политических партий, то они, вероятно, станут возражать против разумных, даже необходимых требований личного самопожертвования, выдвигаемых правительством, и оттянут голоса людей, плохо разбирающихся в политике. Этот аргумент пугает. Здесь упущено наиболее существенное: свобода слова необходима не только для демократии, какой мы ее знаем; ведь если любое правительство в общем и целом не опирается хотя бы на неформальное согласие подданных, то это – тирания.

Возможно, как и утверждают китайские лидеры, китайцы осознают потребность в жестком, эффективном правлении, которое необходимо для преобразования государства, возможно, они понимают, что в большинстве своем склонны порой принимать неразумные решения, и не хотят дорогостоящей, ведущей к расколу системы политических партий и регулярных свободных выборов. В конце концов, хорошо это или плохо, но люди часто предпочитают, чтобы трудный выбор сделали за них другие. И, тем не менее, подобные утверждения голословны и оскорбительны, если они не проверены, а проверить их нельзя, если людей, доказывающих обратное, бросают в тюрьмы, пытают и убивают. Свобода слова даже выше демократии, поскольку именно уважение этой свободы может помочь людям понять, что, скажем, демократическая форма правления им не подходит.

Это мы должны отстаивать и повторять всякий раз, когда «азиатские ценности» коллективных обязанностей и коллективной ответственности выдвигаются в качестве оправдания для цензуры. Свобода слова, которая совершенно не обязательна для удовлетворения большей части устремлений каждого отдельного человека, не имеет ничего общего с эгоизмом. Но для самой базовой, самой органичной социальной обязанности народа, а именно обязанности совместно определить (пусть не на выборах, пусть в форме общественного мнения), каковы же его истинные политические ценности, свобода слова необходима».

(Р. Дворкин⁷ «Раздвоенные языки, фальшивые доктрины»)

Дайте определение культурного релятивизма (релятивизм – это)

Последний текст, которым мы завершаем обсуждение этой сложнейшей проблемы, - отрывок из уже известной Вам статьи И. Михайловской «Закон, обычай и права человека»

«Можно представить себе, что есть общности, которые полностью разрешают проявиться индивидуальности своих членов, содействуют этому, относятся с большим пониманием к правам личности, то есть, к праву ее быть не такой, как все. И есть общности, где действуют достаточно жесткие правила поведения, где существуют соответствующие традиции, обычаи (а обычай – очень инертная вещь, он может сохраняться веками, не учитывая даже изменения «большой жизни»), и здесь с правами человека могут возникать проблемы, когда государство, с одной стороны, как бы предоставляет, декларирует или гарантирует определенную совокупность социальных, политических и иных прав личности, а общность такие права отвергает, как противоречащие сложившемуся обычаю. Не признает, например, равенства женщины и мужчины. Как решать этот вопрос с позиции прав человека?»

Я думаю, это не простой вопрос, потому что, когда мы говорим о правах человека, надо помнить о том, что это именно права. А когда у человека есть какое-то право – именно право, – то он имеет и право распоряжения своим правом и, по тем или иным соображениям, например, не желая вступать в конфликт с членами своей общности, может пойти и на добровольное ограничение своих прав, подчиняясь существующим в данной общности обычаям.

... Самый сложный вариант: обычай противоречит закону. Возможны две причины такой ситуации: в силу волюнтаризма законодателя (как запрет ношения чадры) и в силу противоречия ценностям общества, включая права человека. Например, закон запрещает унижать честь и достоинство человека, а в какой-то общности, допустим, телесное наказание считается нормальной санкцией за нарушение принятых обычаев. Как быть закону: признавать действие такого обычая или бороться с ним, запрещать его?»

(И. Михайловская. Закон, обычай и права человека)

Как бы Вы ответили на вопрос, которым заканчивается эта цитата?

Сформулируйте аргументы «за» и «против» культурного релятивизма, подготовьтесь к дискуссии об универсальности прав человека для разных культур.

⁷ Рональд Дворкин – профессор юриспруденции Оксфордского университета. Среди его основных публикаций – Taking Rights Seriously (1977), Life's Dominion (1993) и Freedom's Law (1996).